

Глава 64

Под прилавком стояла плетеная корзина, куда обычно складывали тщательно зачищенные кости. Ли Яньмэй выудила оттуда две штуки и протянула покупателю:

— Молодой господин, этих двух хватит?

Фан Цзычэнь уставился на мослы, не в силах вымолвить ни слова.

Что это за мясницкое мастерство такое? Или эти кости уже кто-то обглодал? Почему они такие чистые?

На них не осталось ни единой жилки, даже размером с мушиную лапку.

— Хватит... — выдавил он наконец.

Ли Яньмэй ловко перевязала их соломой.

— Для собаки берете? — поинтересовалась она.

Цзычэню показалось, что над ним издеваются. Он указал на Гуай-цзая, который притаился у него на руках:

— Для сына. Хочу сварить ему питательный бульон.

Ли Яньмэй на мгновение смутилась, но, будучи особой весьма бойкой, уже через секунду принялась расхваливать малыша. Сначала спросила, сколько ему лет, потом подивилась, что у такого молодого отца уже такой взрослый ребенок — мол, «силен, ничего не скажешь». Называла Гуай-цзая милым и послушным, но, увлекшись похвалами, в какой-то момент всё же перестала следить за языком.

Только Цзычэнь расслабился, довольно слушая комплименты, как она выдала:

— Маловат только.

Фан Цзычэнь: «...»

«Умеешь же ты подбодрить».

Гуай-цзай, услышав это, обиженно надул губки:

— Гуай-цзай не маленький, Гуай-цзай — ребёнок! Ребёнки все маленькие. Когда Гуай-цзай выластет и станет мужчиной, он будет очень высоким!

Ли Яньмэй приснула от смеха, глядя на этого «трехдюймового боба», и уже собиралась поддразнить его еще парой фраз, как со двора послышался шум. Из дверей выбежала маленькая девочка, сжимая в руках две пышные булочки, и послушно встала рядом с матерью.

Ли Яньмэй потрепала её по голове и обернулась к Цзычэню:

— Моя дочка, Цзяо-цзяо. Почти ровесница твоему — ей три года с хвостиком.

Фан Цзычэнь с трудом в это поверил.

Глядя на девчушку, он даже затруднялся подобрать слова. Называть маленькую девочку «высокой и могучей» или «плечистой, словно медведь», было бы жестоко, но, честно говоря, такие эпитеты подходили ей как нельзя лучше. Скажи Ли Яньмэй, что дочке девять лет — он бы и то поверил.

Цзяо-цзяо держала по булочке в каждой руке. Пышки явно были домашними — размером с доброе блюдце, куда больше тех, что продавали в лавках. Она уплела их с поразительной скоростью, кусая то слева, то справа; за то время, пока взрослые обменялись парой фраз, от баоцзы не осталось и следа.

Ела она за двоих, и выглядела, мягко говоря, весьма упитанной.

Обычно пухлые дети кажутся мягкими, как тесто, но Цзяо-цзяо была не из таких. Она была из «настоящего материала», а её полноту можно было описать лишь двумя словами: «крепкая и грозная».

Цзычэнь лишился дара речи. В голове вертелось только одно: «Разрази меня гром».

Раньше он как-то не обращал внимания на рост сына, но стоило мясничихе уколоть его этим «маловат», как он стал присматриваться ко всем встречным трехлеткам. И как назло, все они оказывались выше Гуай-цзая.

Цзяо-цзяо с аппетитом облизнула пальцы, а Ли Яньмэй, глядя на неё, тяжело вздохнула.

Ныне мужчины ценили в девушках хрупкость и изящество, а дочь, которая статью превосходила иного ханьцзы, вызвала у матери лишь горькие думы. Прежде соседи, видя Цзяо-цзяо, всегда качали головами с сочувствием и брезгливостью — мол, «в кого она такая уродилась? Видать, при рождении душой ошиблась. Как её потом замуж-то выдавать?».

Какой нормальный мужчина на ней женится?

В три года она уже такая огромная, а когда вырастет — превратится в гору? Если муж вздумает с ней повздорить, она ведь одним ударом отправит его прямиком на аудиенцию к Яньвану и всем предкам.

Цзяо-цзяо подняла голову и басом пророкотала:

— Матушка, я хочу еще две булочки.

Ли Яньмэй: «...»

Фан Цзычэнь: «...»

Фан Цзычэнь был просто поражен аппетитом этой малышки. Он и сам бы вряд ли осилил две такие огромные булки за раз!

Он погладил Гуай-цзя по голове. Ли Яньмэй заметила его молчание и поначалу решила, что он, как и прочие, презирает её дочь. Но, присмотревшись, она с удивлением обнаружила, что во взгляде Цзычэня нет ни капли брезгливости. Напротив, в его глазах читалось нечто подозрительно похожее на... зависть и ревность.

Зависть? Ревность?

Чему тут завидовать-то?

Ли Яньмэй переспросила:

— Молодой господин, желаете чего-нибудь еще?

— Взвесьте еще фунт ребрышек, — ответил Цзычэнь, но внезапно свет перед ним заслонила огромная тень.

— Я сам, — раздался голос в десять раз грубее, чем у Цзяо-цзяо.

— Отец! — радостно вскрикнула девочка.

Ли Яньмэй заворчала, но в её голосе слышалось кокетство:

— Старый черт, ты-то чего здесь забыл?

Фан Цзычэнь обернулся и столкнулся взглядом с вошедшим.

Тот широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами, и, перехватив тесак у жены, спросил:

— Молодой господин, вам порубить?

«Да уж, яблоко от яблони... У такого отца и не могло быть другой дочери».

Мужчина был невероятно широк в кости, грудь колесом, лицо квадратное, а брови — словно две жирные гусеницы. На вид в нем было без малого два метра роста. В городке Фуань редко встретишь таких великанов. Цзычэнь вдруг сообразил, кто перед ним. Да это же, верно, дальний родич самого У Суна!

— Вы тот самый герой, что тигра одолел?

— Угу, — отозвался великан. — Не стоит меня так величать, мне даже неловко. Зовут меня Линь Сяоя.

Фан Цзычэнь опешил:

— Какой-какой «ся»?

Линь Сяоя орудовал ножом как бог: одним ударом отсек ребра, быстро накрошил их, бросил на весы — ровно один фунт, ни больше ни меньше.

— Тот, который «маленький», — пояснил он.

Фан Цзычэнь: «...»

«Ну и горады же вы имена выбирать».

Один другого здоровее, а имена — загляденье: одну зовут «Неженкой», другого — «Маленьким».

Ну и семейка...

Стало ясно, что эта пара — те самые соседи управляющего Яна.

Вспомнив о деле, Цзычэнь спросил:

— А дядя Ли на месте? Мне нужно с ним кое-что обсудить.

Ли Яньмэй пояснила:

— Отец ушел на свадьбу к дочке двоюродного брата сына моего двоюродного дедушки.

Столь подробные детали были явно лишними. Фан Цзычэнь лишь кивнул.

— Если дело важное, можешь сказать мне, — улыбнулась Яньмэй.

Цзычэню не хотелось приходить еще раз, так что он вкратце изложил суть. Ли Яньмэй с готовностью хлопнула себя по груди:

— Об этом можешь не беспокоиться! Свиную кровь и кишки всё равно редко кто покупает. Если тебе нужно — будем оставлять всё для тебя.

— Вот и славно.

Фан Цзычэнь собрался уходить. Ребрышки он уже брал раньше — они стоили дешевле мяса, по десять монет за фунт. А вот две сахарные косточки, хоть и были гладкими, как шелк, всё равно должны были чего-то стоить. Он полез за деньгами, но Ли Яньмэй отмахнулась.

Цзычэнь нахмурился:

— Так не пойдет.

Ли Яньмэй рассмеялась:

— Эти мослы мы обычно вообще не продаем. Никто их не берет, просто выбрасываем.

В городе за всё приходится платить. Даже за вывоз нечистот ежемесячно отдаешь по двадцать-тридцать монет, не говоря уже о дровах. У кого это денег куры не клюют, чтобы покупать такую ерунду? Грызть там нечего, даже собаки воруют нос.

Услышав это, Цзычэнь всё же решил дать ей десять монет, но тут Ли Яньмэй снова принялась за своё.

— К тому же, ты такой красавчик! Ради такой внешности сестрица готова тебе не только кости, но и мясо даром отдать. Приходи к нам в гости как-нибудь на досуге. Я теперь часто буду здесь отцу помогать. Он в полдень любит ходить к старому Фэну в шахматы играть, вот в это время и заглядывай.

От такого неприкрытого намека рука Цзычэня, тянувшаяся к кошельку, так и замерла на полпути.

«Да за что мне это всё?! Как ты можешь так подставлять меня на глазах у собственного мужа?!»

Сердце его бешено заколотилось, отдаваясь гулом в ушах. Он медленно, преодолевая одеревенение в шее, повернул голову. Линь Сяося уже закончил рубить ребра и выложил их на прилавок, завернув в промасленную бумагу. Откуда-то он достал точильный камень и теперь со зловещим скрежетом точил нож.

Пока он водил лезвием по камню, на губах его играла улыбка, а бугрящиеся мышцы на руках, казалось, вот-вот разорвут рукава одежды. Этим ножом он только что с легкостью крушил кости, и сталь хищно сверкала на солнце, оставаясь безупречно острой. То, что он затеял заточку прямо перед Цзычэнем, явно было неспроста.

Метит не в птицу, а в охотника — решил припугнуть гостя!

Испугался ли Цзычэнь?

Как бы не так.

Он лишь вежливо улыбнулся, невозмутимо протянул Ли Яньмэй десять монет, забрал свертки и зашагал прочь.

Ли Яньмэй сделала пару шагов вслед, с явным сожалением глядя ему в спину:

— А до чего хорош собой, молодой господин! Высокий, статный, и ноги длинные — шагает так быстро, будто летит.

Голос у неё был громкий, и Фан Цзычэнь, еще не успевший уйти далеко, всё прекрасно слышал.

Шагал он быстро вовсе не из-за длинных ног, а потому, что шкура была дорога.

Ли Яньмэй неохотно отвела взгляд:

— На такого красавца дома можно было бы во время обеда смотреть — я бы на две чашки риса больше съедала.

— Мужчина, а лицом краше тебя, — хмыкнул Линь Сяося. — Тебе не совестно? Еще две чашки

риса она съест... Куда тебе, и так талия в обхват не лезет!

Ли Яньмэй пропустила шпильку мимо ушей — затевать ссору на людях ей не хотелось. Она лишь бросила:

— Дорогой, будь у тебя хоть сотая доля его красоты, я бы в свое время не заломила за себя такой выкуп.

Линь Сяося лишь шумно фыркнул:

— Будь у меня хоть сотая доля его красоты, я бы на тебя в жизни не посмотрел!

Тут уж Ли Яньмэй не выдержала. Она уперла руки в бока и громко сплюнула:

— Скажите на него! Будто я какая-то замухрышка. В мои восемнадцать лет, когда я была на пике красоты, очередь из желающих на мне жениться тянулась от Западной улицы до самой Восточной!

— Совесть поимей! — Линь Сяося перестал точить нож и безжалостно разоблачил её: — Я-то слышал от свахи, что стоило тебе встать за прилавок, как ни один парень к лавке и на пушечный выстрел не приближался. Все боялись, что ты с голодухи на них набросишься и силой под венец утащишь. В ту пору тесть ни одного куса мяса продать не мог. Сваха ко мне на коленях приползла, умоляла «спасти народ от напасти». А то бы я к вашему порогу и близко не подошел!

Слова эти не нанесли большого урона, но оскорбили до глубины души. Супруги принялись громко переругиваться прямо на улице. Соседние торговцы, привыкшие к подобным сценам, лишь сокрушенно вздыхали.

***

Вернувшись с огорода, Чжао-гэр не стал отдыхать. Сначала он поставил вариться рис, а затем достал купленную кукурузную муку и принялся молоть её на ручном жернове во дворе.

В одиночку справляться было неудобно: приходилось то и дело прерываться, чтобы подсыпать зерно в воронку. Спустя какое-то время у ворот послышался голос:

— Чжао... Чжао-шу...

Чжао-гэр сразу узнал Сяо Фэна. Немало удивившись, он подошел к калитке. За порогом стоял мальчик с охапкой дров за спиной.

— Сяо Фэн? Ты как здесь? — озадаченно спросил Чжао-гэр. — Случилось что?

Мальчик, заикаясь, ответил:

— Я... я н-насобирал х-хвороста и в-вам п-принес.

На улице стояла жара, к тому же их дом стоял на отшибе и прохожих не было, так что Чжао-гэр впустил его во двор. Он забрал дрова, отложил их в сторону и с недоумением спросил:

— С чего это ты вдруг решил принести нам хворост?

<http://bllate.org/book/15357/1435453>